

Цинь Шо отродясь не верил в предсказания и гадания. Его лишь озадачило то, как странно — и совершенно невпопад — к нему обратились. Впрочем, стоило бросить один взгляд, чтобы понять: дряхлый нищий просто ломает комедию ради горсти монет. Первым порывом было пройти мимо, но, глядя на глубокую старость бродяги, вынужденного скитаться без крыши над головой, Цинь Шо все же сжалился. Он выудил из кошель серебряный слиток и бросил его в щербатую плоску.

Раздался звонкий щелчок. Цинь Шо уже развернулся, намереваясь уйти, как вдруг из-за спины донесся тихий, дребезжащий смех:

— Вот и третья жизнь, Ую.

Эти слова, словно пришедшие из полузабытого сна, заставили Цинь Шо замереть как вкопанного. Но стоило ему оглянуться, как наваждение рассеялось: перед ним снова стоял обычный замухрышка-бродяга. Тот уже выудил из миски серебро, вовсю любуясь его блеском, и даже прикусил зубом, проверяя на подлинность. Убедившись, что его не обманули, нищий довольно хмыкнул и, припадая на хромую ногу, побрел вглубь грязного переулка.

Шедший впереди Цзян Юэ первым заметил, что спутник отстал. Вернувшись, он застал Цинь Шо за разглядыванием удаляющейся фигуры нищего и ободряюще похлопал его по плечу:

— Не забивай голову рассказами этого старого дуралея. В округе каждый знает, что он не в своем уме. Когда я только прибыл сюда, он и мне пытался ворожить. Просто не обращай внимания.

Цинь Шо мысленно согласился.

«И правда, обычный сумасшедший. Глупо принимать близко к сердцу бредни юродивого — сам же в итоге дураком прослывешь».

Вместе с Цзян Юэ они вошли на постоянный двор. Сун Ваньчэнь уже стоял у стойки, заказывая комнаты. На этот раз он проявил завидную щедрость и взял для каждого по отдельному лучшему покою, однако вид у него был мрачнее тучи. Он упорно молчал, явно не желая ни с кем заговаривать.

Цинь Шо прекрасно понимал, что тот все еще злится из-за навязанного попутчика. Но раз уж Сун Ваньчэнь из гордости предпочитал хранить молчание, стоило подыграть ему и сделать вид, будто ничего не происходит. План был прост: забрать ключи и поскорее скрыться у себя.

Однако Сун Ваньчэнь словно разгадал его намерения. Стоило ему расплатиться с трактирщиком, как он бросил ледяной, но непреклонный приказ:

— Время обеда. Поедим, а потом разойдемся по комнатам.

Путь к отступлению был отрезан.

В полдень гостей в обеденном зале собралось немного — от силы занято три-четыре стола. Компания Цинь Шо устроилась в углу. В дороге, пока они тряслись в повозке, натянутость между ними почти не ощущалась, но стоило сесть друг напротив друга, как повисло удушливое, неловкое молчание.

Цинь Шо оказался зажат между ними: по левую руку расположился Сун Ваньчэнь, по правую — Цзян Юэ. Стоило слуге принести первые блюда, как началось тихое противостояние. Стоило Цинь Шо потянуться к тарелке, как с обеих сторон к нему одновременно протянулись палочки с едой. Кого обделить вниманием? Примешь подношение слева — обидишь соседа справа, и наоборот. А оба его спутника, как назло, задались целью уязвить друг друга именно в этой мелочи.

Сун Ваньчэнь с самым невозмутимым видом положил ему в чашу сочный ломтик говядины, вскользь заметив, что тот всегда любил это мясо. Цзян Юэ тут же вставил свои пять копеек, заявив, что тяжелая пища вредит затягиванию ран. В разгар этой нелепой борьбы палочки дрогнули, и кусок говядины полетел на пол — прямо в пасть крутившемуся у ног Угольку. Маленький пес мгновенно сцапал добычу, звучно чавкнул и довольно завилял хвостом.

Тогда Цзян Юэ выудил из общего блюда самый нежный побег бамбука, ласково щебеча о пользе легкой растительной диеты для выздоровления. Сун Ваньчэнь не удостоил его ответом, лишь одарил Цинь Шо долгим, выразительным взглядом. От греха подальше побег бамбука постигла та же участь: он исчез в бездонной пасти Уголька. Пёсик шумно сглотнул, блаженно зажмурившись, и даже его сытная отрыжка теперь пахла свежей зеленью.

В конце концов, остались ли сыты люди за столом, Уголька мало волновало. Пёс знал одно: его собственное пузо раздулось до предела. Удовлетворенно тявкнув, он свернулся калачиком у хозяйских ног, превратившись в пушистый черный комочек.

Цинь Шо чувствовал себя на этой пытке обедом как на иголках. Он прекрасно понимал, что Сун Ваньчэнь нарочно устроил эту сцену, заставляя его выбирать сторону. И хотя их отношения давно зашли в тупик, Цинь Шо предпочел до последнего играть роль миротворца и сглаживать острые углы.

И двигало им отнюдь не великодушие, а самый обыкновенный эгоизм.

«Разумеется, слепо верить случайному встречному — верх глупости. Но если в повадках Цзян Юэ то и дело проскальзывают черты безвозвратно утерянного Цзинь Вэйли, то какая разница, ловушка это или нет? В конце концов, с самого момента пробуждения без памяти моя жизнь и так превратилась в сплошной капкан».

На дне чайника зашуршали последние капли заварки, а Цинь Шо так и не соизволил вмешаться в безмолвное противостояние. Терпение Сун Ваньчэня подошло к концу. Его лицо потемнело еще сильнее, и он ледяным тоном произнес:

— Повозка тронется только завтра на рассвете. Боюсь, столь долгая задержка нарушит ваши планы, господин Цзян.

— Пустяки! — Цзян Юэ вольготно откинулся на спинку стула и подпер подбородок ладонью, с вызовом глядя на собеседника. — Нам с Цюцю спешить некуда, так что подождем вместе с вами. Или господин Сун просто ищет повод поскорее от меня избавиться?

Сун Ваньчэнь изобразил подобие улыбки:

— Вот как? Неужели вы думаете обо мне столь дурно?

— Именно так и думаю, — без обиняков отрезал Цзян Юэ. — Вы всю дорогу косились на нас с собакой так, словно при первой же возможности вышвырнете вон из телеги на обочину.

Из-под стола донеслось согласное твяканье Уголька.

Сун Ваньчэнь приложил немало усилий, чтобы не сорваться на крик — по крайней мере, в присутствии Цинь Шо.

— Вы меня превратно поняли. В целях безопасности нам благоразумнее разделиться, дабы не привлекать лишнего внимания.

Цинь Шо предвидел подобный поворот и уже открыл было рот, чтобы сгладить неловкость, но Цзян Юэ опередил его:

— Прекрасная мысль! Разделиться так разделиться. Мы с господином Цинем поедem в повозке, а вы, господин Сун, можете пересестъ на коня. Как вам такой уговор?

Воздух за столом словно превратился в лед. Сун Ваньчэнь вперил в наглеца тяжелый взгляд и после долгой паузы процедил сквозь зубы:

— То есть по-хорошему ты не понимаешь? Обязательно нужно доводить до крайностей?

— А? — Цзян Юэ удивленно склонил голову набок. — Позвольте напомнить ваши же слова, господин Сун: разве мы настолько близки, чтобы изливать друг другу душу?

Разговор окончательно зашел в тупик. Сун Ваньчэнь с ледяной миной поднялся из-за стола и направился к стойке, чтобы расплатиться.

Обед закончился, и все разошлись по своим комнатам. Наконец-то Цинь Шо остался один. Заперев за собой дверь, он вытащил из-за пазухи заветную бездонную сумку, которую берег пуще глаза на протяжении всей дороги, и принялся бережно выкладывать ее содержимое на деревянный стол.

Сбережений, взятых с горы, было немного. Из трех флаконов со снадобьями, тайно унесенных у наставника, два ушли в ломбард. Теперь у него оставалась лишь одна первоклассная пилюля питания крови, а также несколько средних пилюль восполнения ци и пилюль очищения сердца, которые он хранил изначально.

Что касается денег, то в царстве смертных в ходу были лишь серебро да духовные камни. Обычных монет почти не осталось — едва ли хватит оплатить обратную дорогу. Зато духовных камней после визита к старьевщику прибавилось: к прежним запасам присовокупились две тысячи новеньких камней. В общей сложности выходило около двух тысяч восьмисот. На приличный артефакт в подпольных лавках этого вполне хватило бы, но Цинь Шо не имел представления, сколько на черном рынке просят за по-настоящему ценные сведения.

Цинь Шо взял в руки Фонарь Сбора Душ. Золотистое сияние внутри артефакта мерцало ровно и мягко. Он бережно провел пальцами по стеклу. На самом деле его мало интересовали редкие артефакты; единственное, ради чего он стремился попасть на теневые торги, — это слухи об искусстве воскрешения мертвых.

«Если бы только Вэйли был жив... Мне не пришлось бы влачить это одинокое существование».

Мягкое сияние фитиля отражалось в глазах Цинь Шо. Золотой огонек то разгорался, то припадал к стеклу — такой же неугомонный и живой, каким когда-то был сам Вэйли. На губах сама собой появилась грустная улыбка. Поддавшись порыву, Цинь Шо протянул руку, желая прикоснуться к мерцанию, и кончики его пальцев окутало ласковое тепло. Он медленно опустил грудь на стол и, склонив голову набок, уставился на золотой сгусток света.

— Вэйли... — прошептал он тихо-тихо. — Ты ведь тоже по мне тоскуешь?

Светящаяся дымка послушно потянулась навстречу его руке, обвивая пальцы теплым кольцом.

— Завтра на рассвете мы отправимся в Императорскую столицу, — ласково поглаживая золотистые искры, пробормотал Цинь Шо. — Там мы отыщем твою матушку... Верь мне, мы скоро встретимся вновь.

Едва сорвалось последнее слово, как золотой огонек со свистом вырвался из Фонаря. Опешивший Цинь Шо только и успел проводить его взглядом: светящийся рой описал плавный круг над столом и опустился на лежащие в стороне листы из пергамента.

Приглядевшись, юноша заметил, что один из трех свитков испускает слабое свечение. Он поспешно придвинул его ближе — так и есть, засияли именно те строки, где говорилось о

Свитке Пророчества.

Шицзунь когда-то упоминал: если начертанные знаки приходят в движение, значит, искомое сокровище находится совсем рядом, в пределах нескольких ли.

Затаив дыхание, Цинь Шо взгляделся в сияющие иероглифы. Внезапно тушь поплыла, символы причудливо изогнулись, свернулись спиралью и бесследно растаяли на чистой бумаге.

Дрожащее пламя свечи очертило точеный профиль юноши, выгодно подчеркнув мужественные черты лица. Золотой пучок света тем временем игриво подлетел к нему, ласково коснулся кончика носа и неспешно скользнул обратно под защитное стекло артефакта.

— Свиток Пророчества... — вполголоса повторил он.

В памяти всплыли строки из древнего фолианта, найденного когда-то в Павильоне Книжных Хранилищ. Сила этого артефакта разительно отличалась от обычного духовного оружия: всякий владелец мог использовать лишь ту страницу, которую исписал собственноручно. Но чтобы скрепить завет навечно, требовалось спрятать сам свиток в тайнике, о котором не ведал ни один живой человек.

Использованный же лист отрывался и улетал в мир смертных, блуждая среди людей до тех пор, пока новый избранник не отыщет его — лишь тогда Свиток Пророчества являл миру свое истинное прибежище.

«Раз уж отклик столь слаб, — рассудил он, — значит, поблизости находится не сам Свиток, а лишь утерянный обрывок?»

Цинь Шо задумчиво перевел взгляд на Фонарь Сбора Душ, силясь разгадать, какую весть пытается подать ему Вэйли, но не успел он произнести и слова, как тишину за спиной нарушил глухой, настойчивый стук в дверь.

Мигом подобравшись, юноша смахнул все вещи со стола в бездонный мешочек и спрятал его на груди. Лишь после этого он бесшумно подошел к порогу и приоткрыл дверь. Увидев на пороге Сун Ваньчэня, Цинь Шо по привычке попытался захлопнуть створку, но гость вовремя подставил колено. Нажав плечом, Сун Ваньчэнь бесцеремонно ввалился внутрь, увлекая хозяина комнаты за собой, и резким движением задвинул засов.

— Цинь Шо.

Сун Ваньчэнь запечатал комнату безмолвным барьером, пресекая любую попытку подслушать их разговор. Напряжение в комнате мгновенно сгустилось грозовой тучей, готовой вот-вот разразиться бурей.

— Скажи мне наконец, о чем ты только думаешь?

Цинь Шо попытался отступить назад, но крепкие пальцы мертвой хваткой вцепились в его запястье. Совершенно не понимая, какая муха укусила незваного гостя на этот раз, он выдавил из себя:

— Я не понимаю, к чему ты клонишь.

— Всё ты прекрасно понимаешь, — взгляд Сун Ваньчэня стал угрожающе острым. — Я спрашиваю тебя напрямик: ты и впрямь вознамерился тащить с нами этого проходимца Цзян Юэ?

— Мы просто едем в одну сторону, к тому же никто из нас не раскрыл своего истинного имени... — попытался оправдаться Цинь Шо, но Сун Ваньчэнь бесцеремонно оборвал его на полуслове:

— А теперь ответь мне на один вопрос. Почему вчера, когда мы прибыли на постоянный двор, всё было тихо? Но стоило этому выскочке замаячить на горизонте, как тут же нагрянули ищейки из Дворца Небесного Начала?

Хватка на запястье Цинь Шо стала почти болезненной. Глаза Сун Ваньчэня потемнели от едва сдерживаемого гнева.

— Неужели ты веришь, будто подобные совпадения случаются сами собой?

<http://bllate.org/book/20094/1998523>